

*Пятого апреля 2016 года в особняке на Комсомольском прошёл Общероссийский писательский пленум, обсудивший создание в нашей стране Общества русской словесности.*

*Среди прочих писателей на Пленуме выступил и главный редактор журнала “Наш современник”, который оценил неутешительные итоги так называемого “Года литературы” и посвятил главную часть своего выступления конференции о творчестве выдающегося критика Ю. Слезнёва, прошедшей в конце прошлого года в Краснодаре, а также скандальной полемике, развязанной в нескольких номерах еженедельника “Литературная Россия”. Полемике, принявшей, по нашему мнению, недопустимые формы.*

*Выступление Станислава Куняева было искренне поддержано участниками Пленума аплодисментами, возгласами из зала, выступлениями с трибуны и послужило основой для нынешней публикации.*

*Нелишне сказать, что писатели выразили желание, чтобы в резолюции Пленума был выделен отдельный пункт о том, что глумливые и провокационные выступления “Литературной России” недопустимы, что они разрушают все нравственные традиционные нормы литературной полемики, что такие публикации уничтожают её былую популярность, которую еженедельник унаследовал от советских времён и от того периода, когда его главным редактором был выдающийся русский писатель Эрнст Иванович Сафонов.*

I

Литература в России – это, в сущности, вторая религия, определяющая мировоззрение и власти, и народа. Что бы ни писали наши профессиональные историки, как бы они ни обвиняли историю, ни пересматривали её, ни сочиняли в связи с запросами времени новые учебники, всё равно им не дано совладать с писателями и поэтами минувшего тысячелетия, произведения которых дают окончательную оценку важнейших исторических событий.

Вот почему наше читающее сословие судит о древней истории Отечества не по научным работам, а по былинам, о раннем Средневековье – по “Слову о полку Игореве” и “Слову о законе и благодати” митрополита Илариона Киевского, о Смутном времени – по трагедии Пушкина “Борис Годунов”, об эпохе воссоединения Украины с Россией – по “Тарасу Бульбе” Гоголя, о деяниях Петра Великого – по поэме Пушкина “Полтава”, о нашествии Наполеона на

Россия — по роману Л. Н. Толстого “Война и мир” и лермонтовскому “Бороздино”, о Крымской войне 1854–55 годов — по “Севастопольским рассказам” Льва Толстого, о революции 1917 года и гражданской войне — по шолоховскому “Тихому Дону” и по стихам и поэмам Сергея Есенина, об Отечественной войне — по поэме Твардовского “Василий Тёркин” и по великой песне на слова Лебедева-Кумача “Вставай, страна огромная”...

Всякое событие нашей истории, чтобы обрести бессмертие, у нас, русских, должно быть узаконено и увенчано литературным благословением, своеобразным “рукоположением” драгоценного литературного венца на историческое событие, которое лишь после этого обряда становится вечным и сакральным.

Вот почему все Божии помазанники, все царствующие особы и вожди от Петра Великого до императрицы Екатерины, от императора Николая II до Иосифа Сталина приближали ко двору Феофана Прокоповича, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Шолохова, Алексея Толстого, Твардовского, Константина Симонова, Михаила Булгакова... Когда Пушкин после разговора с Николаем Первым вышел от императора, то последний сказал приближённым: “Сегодня я говорю с умнейшим человеком России”. Подобного союза власти и литературы ни в Европе, ни в Америке быть не могло. Вот почему инстинктом незаурядного политика Владимир Путин, избираясь на президентский пост, в последний день перед голосованием взлетел своей лёгкой походкой на трибуну переполненной народом арены в Лужниках со словами Есенина:

*Если кликнет рать святая:  
“Кинь ты Русь, живи в раю”,  
Я скажу — не надо рая,  
Дайте Родину мою!*

Я уверен, что этот неожиданный поступок прибавил ему несколько миллионов голосов наших любящих Есенина избирателей.

Вот почему после того, как из школьных программ была выброшена чуть ли не половина часов, посвящённых русской литературе (а значит, и русской истории), после того, как усилиями либеральной черни был утверждён пресловутый бездушный и бездуховный ЕГЭ, мне хочется обратиться к авторам этой антиисторической, антикультурной и антинародной провокации со словами, ставшими чуть ли не пословицей:

“Вы хоть понимаете, что вы натворили?”

И действительно, кроме кастрации школьных программ по литературе, “натворили” много чего.

На Литературном собрании 2013 года Путин поручил своим помощникам и советникам создать фонд поддержки литературы. Но фонд так и не был создан. Деньги, выделенные на помощь литературе в её год, и в том числе *толстым* журналам, пошли неизвестно куда. За время с 2013 года по стране закрылось более 1000 книжных магазинов, осталось 1500 (заметим, что в такой “нелитературной” стране, как Франция, их 3500). Вспомним, что в советское время самые редчайшие книги мы нередко покупали в книжных магазинах Сахалина, в сибирских райцентрах, в союзных республиках. За 12 лет, с 2003 по 2015 год, число муниципальных библиотек сократилось вдвое, а это значит, что сократилась подписка на *толстые* литературные журналы федерального значения. Подумать только! В 2016 году тираж журнала “Дружба народов” опустился до 700 экземпляров, у “Звезды” — тоже до 700, у “Октября” — до 1000, у “Иностранной литературы” — до 2500, у “Знамени” — до 2000, у некогда знаменитого “Нового мира” — до 2500. Правда, у “Нашего современника” тираж — 5500 экземпляров, что позволяет ему единственному среди *толстых* журналов даже платить скромные гонорары авторам. Когда-то, в начале 90-х, я мечтал выиграть идеологическую борьбу за популярность у своих либеральных конкурентов — в то время “Наш современник” был в списке журналов по тиражу на 10-м месте. И вот моя мечта сбылась: суммарная подписка трёх “столпов либерализма” (“Новый мир”, “Знамя”, “Октябрь”) в 2016 году стала равной подписке “Нашего современника”. Но у меня нет радости от этой “победы”, свидетельствующей о нашем одичании, о нашем общем поражении в Год литературы, на который мы так надеялись.

Но умирают не только журналы. Умирает прекрасная газета “День литературы” – дитя Владимира Бондаренко. Десять лет она издавалась и стала частью нашей литературной жизни, с трудом выходила на спонсорские средства, даже редакция “Нашего современника” помогала ей деньгами. Но недавний юбилейный вечер её главного редактора прошёл с триумфом. Так что читатели газету знают и любят. А государство наше в упор не видит ни “Дня литературы”, у которого даже своей комнатухи нет, ни “Нашего современника”. Да, мы сохранили подписку, которая у нас была в 2015 году. Но знаете, как наградили нас московские власти за эту относительно успешную работу? Прислали недавно “уведомление”, в котором предписано, что вместо полутора миллионов рублей арендной платы, которые мы платили в 2015 году, в 2016 году, согласно новой бумаге, полученной в конце прошлого года, где ставка пересмотрена, платить придётся 2 млн 300 тыс. рублей. На 50% повышена арендная плата! И это тогда, когда подписка на 2016 год закончилась, бюджет свёрстан из расчёта полутора миллионов. А теперь чеши репу и думай, откуда взять ещё 800 тысяч? Поневоле вспомнишь Лужкова – со льготной арендной ставкой для журналов, никогда не менявшейся в течение всего финансового года. А событиями ребята, что же, хотят сознательно погубить лучший русский литературный журнал?

Но ведь если погибнет “НС”, разорвутся последние литературные связи, ещё кое-как объединяющие нас от Смоленска до Владивостока. Благодаря “НС” мы ещё читаем друг друга, наше творчество, наши тексты – вот что объединяет нас друг с другом и с читателями, а не только пленумы. Публикация в “НС” даже при сегодняшнем тираже даёт возможность каждому автору журнала быть прочитанным десятками тысяч наших ещё преданных нам читателей.

На этом фоне как не позавидовать киношникам! У них деньги, сериалы, премии “Ника”, “Золотые орлы”, “Оскары”, голливудские красные бархатные дорожки, туалеты кумиров! Как не позавидовать театральным людям! У них прошли ремонты Большого театра, Малого театра, МХАТа, на телеэкранах – лики режиссёров, актёров, продюсеров и даже реставраторов! А у нас – наш обшарпанный особняк, судьба которого до сих пор неизвестна. А где на канале “Культура” у Игоря Волгина лики писателей и поэтов? Сплошные унылые кандидаты наук, пикейные жилеты, синие чулки. А где писатели на TV? Один Проханов – и то лишь как политик. Ст. Куняева Пушкин раз в году вытаскивает на экран благодаря книге “Шляхта и мы” – как “специалиста по Польше”... Прилепина и Шаргунова приглашают только как знатоков украинской действительности. А ведь оба недавно опубликовали в “НС” свои ЖЗЛовские книги: один – о В. Луговском, другой – о В. Катаеве. Книги интереснейшие!

А разве не заслужил серьёзнейшего внимания роман Захара Прилепина “Обитель”, недавно опубликованный у нас, в “Нашем современнике”?

## II

А тут ещё одна ложка дёгтя в нашей бочке литературного мёда, скорее даже – дерьма, а не дёгтя. Дёготь всё-таки замечательно пахнет. Речь пойдёт о литературных нравах, в которых ничуть не виновато государство, а виноваты лишь мы сами.

В “Лит. России” № 4 за 2016 г. была опубликована громадная статья в прошлом якобы советника Михаила Суслова и якобы одного из “лидеров русской партии” в брежневскую эпоху А. Байгушева, которая заканчивалась так:

“Я убеждён, что для сохранности и целостности нашего государства выдающие себя за ура-патриотов **Куняев** и **Казинцев** гораздо опаснее открытого хама и “поджигателя” **Навального**. Такие обычно ловко прикрываются маской якобы оголтелого бытового антисемитизма (вот, мол, мы “свои” – хоть сами “татары”, но тоже против засилья евреев!). Они сознательно пускают под одну гребёнку “своих” и “чужих”. И они хуже любой “пятой колонны”. Давно уже как исподтишка подличающие, они лукаво сталкивают доверчивый простой русский народ с государственной насковзь русской властью, наклеивая на неё ярлык оккупационной, либеральной, сионистской. Это-то по отношению к Президенту Владимиру Путину, Руководителю его Администрации **Сергею Иванову** и Первому заму руководителя **Вячеславу Володину**!”

Да... При Суслове Байгушев никогда не посмел бы выступать публично с такого рода политическими доносами. А сейчас распоясался. И это сказано о журнале, который по достоинству оценил все исторические речи Владимира

Путина – Мюнхенскую, Валдайскую, Кривдакую, о журнале, который перепечатал Валдайскую речь с одобрительными комментариями Геннадия Зюганова и Александра Проханова, о журнале, со страниц которого не сходит украинская тема, о журнале, постоянными авторами которого являются наши выдающиеся государственники Юрий Бондарев, Валерий Ганичев, Александр Проханов, Владимир Бондаренко, Альберт Лиханов, Леонид Ивашов, Михаил Лобанов, Владимир Крупин, Сергей Кара-Мурза, другие писатели России и читатели, чей патриотизм взращён произведениями этих писателей и недавно ушедших от нас Василия Белова, Виктора Бокова, Валентина Распутина. Я думаю, что многие из нас возмущаются, прочитав эту клеветническую болтовню, но чиновники ведь могут Байгушеву и поверить. Ещё бы – **“помощник Сулова”**, печатается целыми “простынями” в когда-то знаменитой, а ныне желто-бульварной “Лит. России”, официальный тираж которой – 3000 экз.

\* \* \*

Но что случилось с Байгушевым, который совсем вроде недавно в книге **“Русская партия внутри КПСС”** в главе **“Почему я написал эту книгу”** вещал: **“Надо вспомнить всё, как было, чтобы сохранить накопленный бесценный опыт борьбы, вспомнить, чтобы сохранить имена борцов”**. И далее он перечисляет эти имена: **“Сергея Семанова, Олега Платонова, Вадима Кожина, Петра Палиевского, Владимира Осипова, Станислава Куняева, Александра Проханова, Владимира Бондаренко и многих, многих других подвижников Русской идеи, жертвовавших обывательским спокойствием, семейным благополучием и карьерными благами ради своей нации”** (стр. 50).

Мало того, он с восхищением вспоминает нашу дискуссию **“Классика и мы”**, моё письмо в ЦК КПСС по поводу **“Метрополя”**, щедро цитирует письмо и добавляет: **“Письмо Куняева стало известным для многих русских людей. Мы подпольно размножили его громадными тиражами”**. Он утверждает, что это письмо предопределило **“будущее назначение Куняева главным редактором журнала “Наш современник”**. **Общественность оценила принципиальность и смелость автора”**

А как высоко Байгушев оценил в этой книге моего заместителя по журналу, с которым мы рука об руку работаем вот уже 25 лет: **“Русский клуб выдвинул осенью 1989 года в местные советы и Верховный Совет РСФСР наших людей, таких бойцов, как Ю. Бондарев, В. Клыков, Г. Литвинова, В. Брюсова, С. Куняев, А. Казинцев”**... И спустя несколько лет он пишет в **“Литературной России”** о том же А. Казинцеве с развязным хамством: **“Козьявка... он же новый Гришка Распутин был одним из организаторов безумного участия некоторой части русских националистов на Болотной площади”, “Козьявка” был доверенным лицом Зюганова на президентских выборах. Выборную кампанию он успешно провалил”**.

Неужели **“тайный агент Сулова”** уже забыл всё, о чём писал в книге **“Русская партия”**, запаматовал свои собственные слова об эпохе 90-х годов: **“Я тогда много выступал с писательскими бригадами, в составе которых, рядом со мной – это для меня была великая честь, – были такие выдающиеся русские писатели-патриоты, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Михаил Алексеев, Станислав Куняев...”**

Как писал Николай Заболюцкий, **“нет на свете печальной измены, чем измена себе самому”**. Почему после такого рода высокопарных слов сегодня для Байгушева Казинцев и Куняев стали **“хуже любой “пятой колонны”**? Почему Александру Иннокентьевичу сегодня, в его 83 года, приходится тратить последние силы на изучение **“преступной”** биографии Казинцева и воспоминаний Станислава Куняева, о которых он отзывался, как о **“примитивных сплетнях”**?

К такой ли жалкой старости он готовил себя, когда с тайным триумфом заканчивал легендарный филологический факультет Московского университета? Когда жизнь щедро распахивала перед ним свои объятия, о чём свидетельствуют его признания из книги **“Русская партия внутри КПСС”** (М., 2005), из номеров **“Литературной России”** за 2016 год? Комментарии к признаниям нашего героя (P. S.) принадлежат мне.

**“После университета в первом “оттепельном” 1956 году я был распределён в стратегическую разведку – по закрытой партийной линии в негласные консультанты-помощники к Суслову”.**

P. S.: Я окончил филологический факультет на год позже Байгушева. Помню многих студентов и аспирантов факультета той поры, в том числе и участников войны, чьи имена были широко известны нам благодаря их общественной и научной работе. Байгушева в их числе не было. Наверное, он был “распределён по закрытой партийной линии” за “особые”, “негласные” заслуги.

**“Александр Борисович Чаковский ко мне благоволил и даже не раз предлагал мне стать его Первым замом”.**

P. S.: На Александре Борисовиче Чаковском как на функционере пробы, как говорится, ставить было негде. А то, что он делал Байгушеву предложение – я верю: рыбак рыбака видит издалека.

**“Про Катю (Е. А. Фурцеву. – Ст. К.) я многое знал и был к ней вхож”.** Когда Байгушев во время встречи Фурцевой с Софи Лорен работал с обеими знаменитыми женщинами, о чём он свидетельствует сам “как журналист-переводчик”, **“Катя лишь ревниво шипела: “Не трись о её груди! Я всё вижу!”.**

P. S.: Речь идёт о грудях Софи Лорен и о том, что, разговаривая с женщинами “на языке жестов”, совершенно не обязательно знать язык Данте и Петрарки.

**“Я в это время дружил с его дочерью Галей Милаевой-Брежневой... Она мне устроила сказочный день рождения. Он пришёлся на выходной день в Центральном доме журналиста, но Галя договорилась, и для меня одного его специально открыли... Весь ЦДЖ был заполнен моими друзьями... ночью мы взяли такси и поехали на Воробьёвы горы, как Герцен и Огарёв... мы все чувствовали себя Герценами и Огарёвыми”.**

P. S.: Вот какие чудеса. Элитарная молодёжь во главе с дочерью Генерального секретаря ЦК КПСС на Воробьёвых горах чувствует себя герценами и огарёвыми, а все их речи и клятвы внимательно слушает “тайный советник Суслова” и сотрудник “стратегической разведки”.

**“Я сменил аж заподозренного в сталинизме Великого Илью Эренбурга”.**

P. S.: Такая откровенность дорогого стоит! Помню, как я приехал на квартиру Эренбурга в дом напротив Моссовета. За стихами для “Дня поэзии”. Илья Григорьевич вышел ко мне навстречу, едва-едва передвигая ноги, из глаз его лились слёзы, руки, в которых он держал листочки со стихами, непрерывно тряслись. Старик, как я теперь понимаю, видимо, переживал опалу – ведь его – властителя дум, вождя интеллигенции – грубо убрали с этой общественной должности и на его место поставили какого-то Байгушева! Вскоре после такого унижения несчастный старик помер.

**“Я тогда впервые подписался прямо в открытую “А. Байгушев, координатор личной стратегической разведки и контрразведки генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева”.**

P. S.: Думаю, что эта отчаянная подпись была сделана после какого-нибудь очередного банкета, вроде того, который состоялся в Центральном доме журналиста благодаря Галине Брежневой.

**“Из-за моей дружбы с Раисой Максимовной “партийная разведка” не стала возражать против выдвижения Горбачёва после скоропостижной смерти Андропова в Генеральные секретари”...**

P. S.: Так значит, не только к Фурцевой, но и к Раисе Максимовне “был вхож” наш пострел? А может быть, и “тёрся” о её груди? А может быть, и перестроечный “процесс пошёл” благодаря его отношениям с Раисой Максимовной? Вот она – роль личности в истории!

**“Андропов сам писал стихи и даже скромно издал их <...> У меня где-то в архиве хранится его книжечка с дарственной надписью”.**

P. S.: Но интересно, какую фамилию поставил под этой дарственной надписью Андропов, поскольку, как обнаружил Байгушев, у последнего было две настоящих фамилии: **“Его настоящая фамилия Флеккенштейн”** (Литературная Россия, №12, 2016). Другая, рассекреченная Байгушевым, – **“Файнштейн”.** **“Даже мать свою Евгению Карловну Файнштейн презрел”,** – с негодованием пишет Байгушев о своём благодетеле Андропове (“Русская партия внутри КПСС”, С. 200).

Прочитаешь такое и засомневаешься: а одна ли настоящая фамилия у Байгушева? Имя ему носить не обязательно. Ведь и Хлестаков вошёл в литературу без имени (хотя Гоголь и назвал его Иваном).

Но как бы то ни было, он иногда приходит в себя и начинает говорить о себе скорбную правду. **“Мне сейчас 83-й год. В своей жизни я написал массу фельетонов. К сожалению, большинство под псевдонимами”** (“Л. Р.” № 4, 2016). Так, может быть, Байгушев всю жизнь был заурядным фельетонистом, мелким литературным сексотом, а если говорить поглубже – газетной шпаной, не гнушающейся никакими сплетнями и провокациями? Чего стоит хотя бы тот факт, что он пересказывает наш разговор по телефону (“Л. Р.” № 12, 2016), бесовственно переиравая его. Видимо, он принадлежит к тому типу окололитературных шавок, которые обслуживают любые эпохи, выслуживаясь перед властями и облаивая во все времена подлинных творцов нашей культуры. При Пушкине таковыми были журналисты Греч и Булгарин. Достоевского и Некрасова в пореформенную эпоху травили ничтожные ученики Писарева. В 20–30-е годы русских писателей – Есенина, Шолохова, Булгакова – обклеивали политическими ярлыками авербахи, сосновские, блюмы, лелевичи и прочие местечковые борзописцы. В 60-е годы эту грязную работу выполняли Дымшиц, Огнев, Паперный. И когда русский человек Байгушев, глумясь над Александром Казинцевым **“Поклонялся широко известному еврейскому поэту Борису (Борхесу) Слуцкому, был отчаянным русофобом”**), походя издевается и над талантливым русским, советским поэтом Слуцким, то он перестаёт быть русским, и уподобляется всем этим местечковым подонкам, давным-давно канувшим в Лету блюмам и авербахам. Такова ирония истории!

А нравы огрызковской “Литературной России”, где печатается фельетонист Байгушев, известны. Именно “Литературная Россия” недавно пыталась вознести на “страдальческий пьедестал” убийцу Рубцова Людмилу Дербину. Именно “Литературная Россия” опубликовала гнусную поэму И. Кохановского о якобы сексуальной связи Пушкина со старшей сестрой его жены Александриной. Именно “Литературная Россия” из кожи вон лезла, чтобы объявить во многих публикациях Вадима Кожинова исполнителем воли советского КГБ: **“Он (Кожинов. – Ст. К.) часто пил в компании с главой 5-го управления КГБ генералом Филиппом Бобковым. И они соревновались, кто кого хитрее совратит в свою веру”**. Сказано с хлестаковской убеждёностью, как будто Александр Иннокентьевич во время этих пьянок обслуживал Кожинова и Бобкова в качестве официанта. А может быть, по природе своей он и есть “официант”, всю жизнь со словами “Чего изволите?” обслуживающий литературную элиту и злобно завидующий ей?

Сейчас “Литературная Россия” переживает трудные времена. Она со своим жалким тиражом борется за существование то ли с московским чиновничеством, то ли с какими-то криминальными структурами, и её нынешний главный редактор обзывает всех писателей с просьбами о помощи и заступничестве. “Кто пытается поставить “Литературную Россию” на колени?” – источно кричит она с обложки четырнадцатого номера, не замечая, что некогда знаменитый еженедельник с его мизерным тиражом уже давно стоит на карачках, а если сказать грубее – раком. Но читая на его страницах политические доносы на руководителей журнала “Наш современник”, читая глумливые и развязные суждения о многих выдающихся писателях России, поневоле вспоминаешь русскую пословицу: “Не рой яму другому...” “Заступаясь” за еженедельник, в котором он когда-то работал, известный русский прозаик Роман Сенчин в одном из номеров “Литературной России” сказал горькую правду: **“Странно, что “Л. Р.” борется с боярами, а не с системой, заодно всё чаще и яростнее кусая тех, кто был или мог бы быть союзником. Не случайно за последние годы заметно усилился круг авторов газеты. Не удивлюсь, если в скором будущем останется один Александр Байгушев”** (Л. Р. №14, 2016).

А что касается Огрызко, то его комплексы куда более болезненны, нежели байгушевские. В начале 90-х годов прошлого века Огрызко короткое время работал в “Нашем современнике”. Но когда я понял, что он с первых дней начал “подсиживать” моего заместителя Александра Казинцева, наушничать, доносить, интриговать, словом, разлагать нормальную работу редакции, то я сразу же выгнал сплетника из коллектива. С той поры, видимо, он и возненавидел наш журнал. Но ненависть и зависть до добра не доводят.

Несколько лет тому назад фотохудожник и летописец российской писательской жизни Анатолий Пантелеев приехал из Питера в Москву и, оскорблённый постоянным шельмованием многих писательских имён России, пришёл в кабинет Огрызко и сурово изложил последнему всё, что он думает о его сочинениях. Огрызко что-то заверещал в ответ, но Пантелеев встал, перегнулся через стол и дал подлецу по толстой физиономии даже не пощёчину, а врезал по-мужски. Огрызко стал вылезать из-за стола, но Пантелеев остудил его пыл, плеснув в искажённое злобой лицо остатки чая, стоявшие на столе. Рассказывая мне об этом, Пантелеев подчеркнул, что такому способу заступничества за свою честь и честь друзей он научился у меня. Да, в молодости я действительно не раз именно так рассчитывался с клеветниками. Но с Байгушевым — другой случай.

Ведь когда-то мы в одной легкоатлетической команде бегали эстафету на Ленинских горах. Он передавал мне эстафетную палочку. А я подумать не мог, перехватывая её в свою ладонь, что на этой палочке остаются отпечатки пальцев человека, руку которого будут пожимать Андропов с Горбачёвым, Софи Лорен с Фурцевой, и Галя Брежнева с Раисой Максимовной...

P.S.: А может быть, он всего-навсего лишь больной старый фантазёр. Если это так, то пусть живёт в омуте своей хлестаковщины... Подумать только, как посмеялась над ним судьба: начинал литературную жизнь советником Суслова, а заканчивает лакеем Огрызки.